

Агафонов Андрей Юрьевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей психологии Самарского государственного университета. Самара
Эл. адрес: agafonov@ssu.samara.ru

А.Ю. Агафонов

СОЗНАНИЕ: ГДЕ ИСКАТЬ «ЧЕРНЫЙ ЯЩИК»?

Сознание в психологии, как правило, отождествляют с осознаваемыми переживаниями, которые в качестве эмпирических фактов открыты для самонаблюдения и сопровождаются чувством субъективной очевидности происходящего. Однако сознание и осознание имеют разную онтологию. В отличие от «осознания» теоретическим понятием «сознание» предлагается обозначать не реальную, а гипотетическую, и потому не обладающую эмпирической достоверностью систему механизмов, согласованная работа которых порождает осознаваемые переживания. Осознание как эмпирический феномен представляет собой главную проблему психологии сознания, которую можно сформулировать следующим образом: «Как происходит осознание?» Анализ эффектов осознания позволяет вводить представление о внешне ненаблюдаемых и закрытых для интроспекции процессах сознания; описание же логики последних и составляет содержание теории сознания. Таким образом, для того, чтобы объяснить феноменологию осознания, необходима теория сознания, описывающая то, чего нет в эмпирическом опыте.

Ключевые слова: проблема определения понятий, сознание, феномен осознания, механизмы сознания, неосознаваемое, бессознательное.

Проблема терминологии – головная боль психологии

Хотя значимость проблемы определения понятий и не следует переоценивать, однако сложности, которые испытывают психологи, изучая сознание, отчасти обусловлены существующей терминологической неопределенностью, если не сказать, путаницей, характерной для данной области исследований. Разнообразие авторских определений понятия «сознание» делает малопродуктивной профессиональную полемику, во всяком случае, не способствует интеграции накопленного опыта и выработке общей позиции. Ситуация осложняется не столько наличием множества концептуальных подходов относительно одного и того же явления, сколько принципиальными различиями в трактовке самого понятия «сознание»: одним и тем же термином зачастую обозначаются разные феномены. Пожалуй, А. Бэн был не далек от истины, когда утверждал, что «сознание – самое запутанное слово в человеческом словаре» [10, с. 13]. Под словами А. Бэна, вероятно, мог бы подписаться и создатель первой научной школы, изучавшей сознание, В. Вундт, который сам признавал хитроумность предлагаемой дефиниции предмета психологии, науки, представляющей собой, по замыслу Вундта, «новую область знания». Отвечая на вопрос о том, что изучает психология, Вундт сначала говорит: «...состояния сознания, их связь и отношения», но тут же указывает, что «хотя это определение и кажется неопровержимым, однако оно ... делает круг. Ибо, если спросить вслед за тем, что же такое сознание, состояния которого должна изучать психология, то ответ будет гласить: сознание представляет собой сумму сознаваемых нами состояний» [11, с. 7]. Едва ли данное определение проясняет, что такое сознание и является ли оно чем-то иным по сравнению с состояниями, в которых человек что-либо осознает.

Другой классик психологии сознания, основатель функционализма – У. Джемс в результате, надо полагать, напряженных интеллектуальных поисков фактически капитулирует, отказывая феноменологии сознания в онтологическом статусе. На вопрос «существует ли сознание?» – кстати, в данной формулировке вопрос резонный – Джемс, по существу, дает отрицательный ответ. Чем не решение проблемы? (Справедливости ради надо сказать, что до этого Джемс высказал несколько замечательных идей о работе сознания).

Но, то – ранняя история психологии сознания, ее стартовый этап развития, когда терминология только начинает складываться и проблема экспликации, казалось бы, могла бы иметь определенное значение для установления взаимопонимания в профессиональной среде и координации исследовательских усилий. Можно было ожидать, что рост научно-психологического знания за XX столетие обнаружит хотя бы островки твердой почвы. Отнюдь. Так, уже в нынешнем веке исследователи, занятые проблемой сознания, с грустью признаются: «...Мы не имеем сколь-нибудь строгого определения понятия «сознание». Сознание не только неопределимая, но и свободная система» [4, с. 34]. (Следствием такой позиции, кстати говоря, является невозможность описания принципов функционирования сознания, т.е. изучения сознания в естественнонаучном русле). «Сознание», хотя и рассматривается как ключевой психологический термин, но, вместе с тем, подчеркивается его многозначность. Не одно определение сознания не может считаться конвенциональным, притом, что таких определений множество [7, с. 181]. В обширном и показательном обзоре, подготовленном Г.В. Акоповым [4], приведены и проанализированы несколько десятков определений понятия сознания от вполне традиционных («целостный образ действительности...» [4, с. 25], «сознание есть осознание действий и его обстоятельств...» [с. 28], «сознание есть оперирование знанием...» [с. 29] и т.п.) до весьма экзотических («сознание человека есть свойство пространства и времени его головного мозга» [с. 26]). В подавляющем большинстве случаев эти определения настолько размыты, что понять, о чем идет в них речь решительно невозможно. (Это справедливо в той или иной степени в отношении любых определений, если они вводятся вне объяснительных конструкций, т.е., если они не соотносятся с решаемыми проблемами). Такие определения скорее представляют собой высказывания, требующие, в свою очередь, дополнительного истолкования, поскольку включают в себя другие неопределенные или плохо определенные понятия. Поэтому стремление к однозначному определению понятия грозит регрессом в бесконечность.

Важно также помнить, что терминологическая строгость еще не обеспечивает строгости знания. Для понятия точки нет словарного определения: это базовое и неопределяемое понятие. Мне представляется это замечательным: понятие, которое принципиально не определяемо и ничего не обозначающее в реальности, лежит в основании строгой научной дисциплины! Многие понятия физики также не имеют определений, являются исходными понятиями, которые вводятся в объяснительных целях по мере необходимости. «...В нынешнем естествознании, – утверждает, например, Б.В. Гнеденко, – время – исходное и неопределимое понятие» [13, с. 6]. Ему вторят В. Григорьев и Г. Мякишев: «...Самые основные, элементарные понятия ... удовлетворительным образом не пояснить. Особенно, если они непосредственно не воспринимаются нашими органами чувств. Именно к таким фундаментальным понятиям относятся электрический заряд и электромагнитное поле. При знакомстве с ними в школе часто происходит следующее: сначала их просто не понимают, потом привыкают к самим понятиям и используют их, не отдавая себе отчета во всей глубине содержания [14, с. 103]. Как не парадоксально, до знакомства с самим понятием нужно знать, что это понятие означает.

Завидное упорство психологов в решении проблемы определения понятий достойно куда лучшего применения. В психологии, наверное, как ни в какой другой науке определению понятий придается, чуть ли не решающее значение, а спор об именах часто подменяет собой спор о самих вещах. Мы до сих пор не имеем традиции номиналистской интерпретации понятий. Функция номиналистских определений в отличие от эссенциалистских, как их дифференцировал К. Поппер, заключается в экономии языковых средств. Другими словами, научное определение должно строиться не слева направо, а, наоборот, справа налево. Как отмечал К. Поппер: «Современная наука начинает с определяющей формулы и ищет для нее краткое обозначение. Поэтому научный взгляд на определение «Щенок – это молодой пес» предполагает, что определение представляет собой ответ на вопрос «Как мы будем называть молодого пса?», а вовсе не ответ на вопрос «Что такое щенок?» [24, с. 18]. Таким образом, если следовать позиции Поппера, решение задачи определения понятия дает единственный выигрыш – краткость научной речи. Термин – это, по сути, заменитель, сокращенный вариант

текста, его редуцированная версия, которая используется в рассуждении. Поэтому, вопреки мнению В.М. Аллахвердова, который полагает, что «...о терминах договориться в принципе невозможно» [6, с. 100], использование понятия в определенном условном значении вполне может стать результатом принятого соглашения.

Задача определения понятий не столь сложна и, конечно, разрешима, если обсуждению подлежат не понятия и их определения, а вполне конкретные проблемы, соотносимые с самой изучаемой реальностью. (В некотором смысле, научная проблема – это факт, требующий научного объяснения или объясненный неудовлетворительным образом). Еще раз важно подчеркнуть: *следует обсуждать не определения понятий, а требующие решения научные проблемы*. Если достигается согласованное понимание сути проблем, о терминах можно договориться. При отсутствии осознания проблемы, о терминах можно и вовсе не договариваться, т.к. сама по себе договоренность не приращает никакого знания. И уж, конечно, не коим образом не помогает объяснению природы явления, т.е. выявлению его причинных оснований. Но, надо сказать, что для того, чтобы обсуждение было осмысленным, и термины использовались бы инвариантным образом, необходима единая система координат, т.е. теоретическая система, в рамках которой, используемая терминология принималась бы за технический язык, на котором строятся репрезентации и объяснительные схемы. Условность такого языка не должна восприниматься как действительно серьезная проблема, если, опять же, понятия расценивать лишь как удобные обозначения онтологических образований, рассматриваемых в теории (например, феномен осознания) или же гносеологических средств (к примеру, понятия «сознание» или «механизмы сознания»), которыми эта теория оперирует. Таким образом, построение теории сознания и признание научным сообществом ее возможностей: объяснительных, прогностических или же эвристических, является условием скорейшего выхода из терминологического лабиринта. К тому же, «без всеми признанной теории – как справедливо указывает В.М. Аллахвердов, – психология не может иметь единого предмета» [6, с. 102]. И с этим, конечно, трудно не согласиться. Другой вопрос: «Возможно ли признание теории всеми?»

Методологические нюансы изучения сознания

Сознание – предмет изучения многих наук и не только гуманитарных. Даже в психологии сознание исследуют с разных позиций. Например, в психофизике и когнитивных исследованиях сознание изучают естественнонаучными методами. В связи с этим, важной методологической задачей является установление критериев, согласно которым определяется научная ценность производимого знания, а также регулируется и регламентируется сама исследовательская деятельность. Для решения этой задачи требуется ответить на вопрос: «Каким методологическим принципам должно отвечать исследование сознания?» или, иначе, «Что в сознании и каким образом можно изучать?»

Стоит отметить, что в последние годы интерес к методологическим исследованиям в психологии заметно возрос. Новое прочтение получают «вечные» проблемы психологии: предмет и методы психологии, интеграция психологического знания, возможность построения единой теории, детерминация психики и др. Появляются и активно дискутируются новые подходы к проблеме построения научно-психологического знания, например, «методологический либерализм» (А.В. Юревич), «гносеологический редукционизм» (В.М. Аллахвердов), «интегративная парадигма» (К. Уилбер, В.В. Козлов), «коммуникативная парадигма» (В.А. Мазилев), «конструктивизм» (В.Ф. Петренко) и др. Однако некоторые из новых методологических подходов предлагаются в качестве парадигмальных для всей психологии, что едва ли является возможным, поскольку психология – гетерогенная наука, в которой не могут быть приняты инвариантные критерии научности без учета конкретных жанров научно-психологического познания. В рамках других подходов декларируется плюрализм исследовательских позиций: пусть растут все цветы, а время рассудит, где розы, а

где сорняки. Беда в том, что почва постмодерна может оказаться питательной только для сорняков.

В интеллектуальной истории уже неоднократно предпринимались попытки установить критерии для разграничения научного знания от ненаучного, в частности, антинаучного. В качестве таковых предлагались разные принципы: принцип непротиворечивости, принцип верификации, принцип фальсификации (принцип К. Поппера), принцип конвенциональности (принцип Т. Куна), принцип практической полезности, эстетический принцип, принцип идеализации, принцип простоты и т.д. При этом разные принципы имеют разный методологический статус. Если в естественных науках требование эмпирической проверки теоретических построений является абсолютным, то принципы простоты или практической полезности имеют куда меньшую значимость. Если естественнонаучная теория не находит опытного подтверждения, она, как правило, отвергается. (Хотя теории могут защищаться от опровержений, например, посредством гипотез *ad hoc*, а реакция на опровержение может порой способствовать развитию теории, т.е. усиливать «ядро» теории и увеличивать исходное знание). Экспериментальные проверки позволяют элиминировать ошибочные допущения. Как отмечал А. Эйнштейн: «Существует физическая реальность, не зависящая от познания и восприятия. Ее можно полностью постичь с помощью теоретического построения, описывающего явления в пространстве и времени; однако обоснованием такого построения является только его эмпирическое подтверждение» [27, с. 26]. Для гуманитарных же теорий критерий эмпирической проверяемости в большинстве случаев вообще не работает, а иногда и просто абсурдно требовать проверить опытным путем интерпретацию ученого-гуманитария.

До сих пор в методологии науки не выработаны универсальные критерии демаркации научного и ненаучного знания. Невозможность установления общепринятых критериев научности привело к тому, что во второй половине XX века «методологический анархизм» в лице П. Фейерабенда саму проблему демаркации объявляет фиктивной. Отсюда следует знаменитый и более чем спорный тезис методологического анархиста: «Позволено все!».

Универсальных принципов научности знания, по всей видимости, вовсе не существует. Но это не означает, что такие принципы не могут существовать и не должны обсуждаться для определенных типов научно-исследовательской деятельности. Научность историографической или педагогической теорий определяется иначе, чем научность теорий, предлагаемых физиками, биологами или химиками. Положение психологии еще более неоднозначно: возникнув в XIX веке как естественная наука, к концу XX века она устойчиво ассоциируется с гуманитарной областью познания, хотя основными методами ее, по сей день, являются методы естественных наук: эксперимент и наблюдение. Психология не является гомогенной наукой, поэтому не может быть причислена только к какому-то одному типу наук. Как верно заметил Р. Смит, «то, что называют психологией – это исключительно пестрое собрание разного рода деятельностей. Настолько разнородное, что, вместо истории психологии в единственном числе, следовало бы говорить об истории психологий, во множественном. Возникло такое разнообразие не случайно, оно отражает различия во взглядах на то, какой род знаний о нас самих возможен и важен» [26, с. 78]. Стоит вспомнить, что с момента возникновения и до начала XX века (когда выходят в свет «Толкование сновидений» З. Фрейда и первый том «Психологии народов» В. Вундта), то есть в начальный этап развития, психология была исключительно фундаментальной наукой, которая строилась и развивалась в русле естественнонаучной методологии. Парадокс состоит не в том, что психология с начала XX века уже и гуманитарная наука, и поэтому в методологическом смысле она не отличается от истории или музыковедения. Парадоксально, что при требовании, которое явно или негласно принимается научным сообществом, а именно требовании эмпирической проверки рациональных положений, психология рассматривается как наука гуманитарная. Разрешение этого парадокса возможно, если определяются методологические принципы, которым должна отвечать не научная дисциплина, а само исследование конкретного феномена. Из этого положения следует, что одно и то же явление может изучаться с опорой на разные методологические принципы. Иначе говоря, *принципы научности определяются*

при выборе жанра исследования феноменов. В случае принятия этой позиции становится неуместным разговор о том, какой наукой является психология: гуманитарной, естественной или эмпирической. Психология – не особая, а гетерогенная наука, а точнее, семейство наук. Поэтому разные типы познания соответствуют разным сторонам одного и того же явления, изучаемого психологией. Например, сознание как предмет психологического исследования может изучаться естественнонаучным способом, и в этом случае теоретической реконструкции подлежит *гипотетическая логика работы сознания*, приводящая к осознаваемым переживаниям. Понятно, что теория должна в этом случае экспериментально проверяться. Сознание может изучаться и в гуманитарном ключе. Тогда предметом анализа будет являться уникальный осознанный опыт субъекта, *содержание осознания*. Субъективный опыт осознания в данном случае будет выступать, как считает В.М. Аллахвердов, в качестве своеобразного текста, требующего интерпретации [8, с. 88]. Задача эмпирического исследования сознания – *систематизация проявлений сознания или описание его структуры*. Примером решения эмпирической задачи является описание структуры сознания, предложенное В.А. Ганзеным [12]. Все корреляционные и сравнительные исследования в психологии относятся к эмпирическому типу. (Но, конечно, не все эти исследования имеют отношение к психологии сознания). Психосемантические исследования сознания также могут быть отнесены к разряду эмпирических, а не собственно естественнонаучных [21, 22]. Сознание может быть предметом даже логико-математического исследования. Примером этого в психологии являются теоретические построения В. Лефевра [18, 19]. Таким образом, те критерии научности, которые действуют в естественных, гуманитарных и эмпирических науках могут применяться при исследовании сознания, но в зависимости от характера той задачи, которую ставит перед собой исследователь.

Осознание как эмпирический феномен субъективной очевидности

Несмотря на отсутствие единой теории и многообразие интерпретаций понятия сознания, в психологической науке, как правило, факты сознания ассоциируются с осознаваемыми переживаниями. Сознание со времен В. Вундта рассматривают в основном как синоним осознания. Иначе говоря, «сознание» понимается как эмпирический термин, а не как теоретическое понятие. (В этом, возможно, кроется одна из основных методологических проблем, с которыми сталкиваются психологи при построении теории).

Осознание – это феномен, доступный интроспективному анализу, это тот непосредственный опыт, который открывается носителю сознания и сопровождается чувством субъективной очевидности ощущаемого, воспринимаемого, представляемого, мыслимого и т.д. Еще Р. Декарт называл осознанность самым достоверным фактом на свете. Чувство субъективной очевидности происходящего в данный момент времени (здесь и сейчас) является эмпирическим индикатором осознания. Именно субъективная очевидность снабжает человека знанием о том, *что* он в данный момент переживает, и о том, что переживает *он*, а не кто-то за него. Осознание всегда эгоцентрично. (У. Джемсу приписывают фразу: «Проснувшись утром, я не бегу к зеркалу, чтобы узнать, я ли проснулся или кто-то за меня»). Невозможно испытать болевое ощущение, чувство голода, инсайт или уныние «от третьего лица». Поэтому изучение феномена осознания коррелирует с проблемой Я. «Я» имманентно присутствует в каждом осознанном переживании, во всяком случае, у психически здоровых людей. Таким образом, субъект благодаря чувству субъективной очевидности не может сомневаться в факте наличия в актуальный момент времени некоторых своих осознанных переживаний. Конечно, субъективная очевидность может обманывать, ведь она все-таки субъективная, но сам мир субъективных переживаний для носителя сознания отмечен достоверностью.

Аналогами понятия «осознание» (т.е., терминами, которые вполне можно использовать по соглашению для обозначения сознания в качестве эмпирического феномена) служат довольно часто используемые в психологии понятия: «непосредственная данность», «личный опыт»,

«субъективное переживание» и т.п. Понятие «осознание» хотя и является эмпирическим, но в отличие от других эмпирических понятий, используемых в психологии, не является частным. Это родовое понятие, обозначающее широкий спектр эмпирических феноменов, относящихся к разным сферам психического, например, к сенсорной, перцептивной, мыслительной сферам или к сферам представления и моторной активности человека. Поэтому данное понятие одинаково уместно использовать и для обозначения фактов осознания тактильного или акустического воздействия, и для наименования результата воспроизведения ранее запомненной информации, и, например, для констатации факта визуального представления какого-либо объекта. Осознание, конечно, может иметь свою специфику, связанную с характером психической активности. Так, осознание при восприятии речи, очевидно, имеет отличие по сравнению с осознанием найденного решения мыслительной задачи или осознанием ошибочности выполненного моторного действия. Вместе с тем, то общее, что роднит осознаваемые переживания независимо от их модальностных или иных особенностей, заключается в инвариантном процессе их порождения: *любой эффект осознания есть продукт неосознаваемой деятельности сознания*. Из этого, в частности, следует: для объяснения феномена осознания требуется теоретическая реконструкция неосознаваемой деятельности сознания. Собственно говоря, это достаточно тривиальное соображение, поскольку, понятно, что причинные основания факта, в частности, факта осознания, в самом факте не находятся.

Осознанность – это не только качественный атрибут актуального переживания. (Осознаваемые переживания всегда актуальны, т.к. о работе сознания, производящей их, имеет смысл говорить только в отношении текущего момента времени). Осознанность имеет и количественную меру, поэтому чувство субъективной очевидности может быть в момент текущего настоящего более или менее выраженным. Иначе говоря, вполне допустимо говорить о степени или интенсивности осознания, но это составляет предмет отдельного разговора. Об осознанных в той или иной мере переживаниях субъект способен дать отчет как о собственном пережитом опыте. Другими словами, осознание допускает вербализацию осознанного: то, что осознанно так или иначе может быть выражено в слове. Данную позицию разделяет, в частности, Э.А. Костандов [17, с.11, 12].

Осознание в текущий момент времени в значительной мере зависит от ранее осознанной информации, что было показано еще гештальтистами: то, что было ранее осознано имеет тенденцию осознаваться в будущем аналогичным образом. Вместе с тем, эффекты осознания могут также быть опосредованы влиянием и ранее не осознанной информации. Показательным примером здесь является прайминг-эффект, исследования которого начались со времен экспериментов, проведенных А. Марселом [38]. А. Марселом и многими исследователями после него было экспериментально показано, что неосознаваемая информация обрабатывается сознанием до уровня семантики: эффекты осознания, следующие за моментом восприятия этой информации, прямо зависят от ее неосознаваемой семантической обработки. Кроме этого на осознание оказывает воздействие также и актуальная иррелевантная информация. (Подробнее о видах влияния на эффекты осознания см. [2]).

Когда сознание называют «центральной тайной человеческой психики» (А.Н. Леонтьев) или «главной загадкой психологии» (В.М. Аллахвердов), то напрашивается вопрос: «В чем эта тайна, в чем эта загадка состоит?» Думаю, что многие согласятся с тем, что главная научная проблема в предметном поле психологии сознания – феномен осознания. Без понимания природы осознания не будут решены и многие частные задачи. Д. Чалмерс прав, расценивая феномен осознания как центральную теоретическую аномалию науки о сознании [28, 29]. По Чалмерсу, феномены сознательной активности обладают разной степенью сложности. Отсюда и разделение проблем на «легкие» и «трудные». Наиболее «трудная» проблема психологии сознания – это проблема осознанности субъективного опыта. Для объяснения осознания, по мнению Д. Чалмерса, необходим поиск нового подхода, который помог бы устранить существующий «объяснительный пробел». Но что именно требуется объяснить? Какие головоломки следует разрешить? Мне представляется, что важно ответить на следующие вопросы:

- *Каким образом человек осознает?* Ответ на этот вопрос предполагает описание микрогенеза осознания, т.е. описание логики той неосознаваемой работы сознания, которая предваряет собой и порождает конечный эффект осознания.
- *Зачем осознавать?* Многочисленные экспериментальные данные свидетельствуют, что человек (= сознание) способен неосознанно воспринимать и эффективно обрабатывать информацию, выполняя сложные когнитивные операции: способен понимать значение слова, не осознавая факта воздействия; одновременно приписывать несколько смыслов одному и тому же стимулу (реализовывать множественное понимание) и даже проявлять доверие или, напротив, недоверие к неосознаваемой информации. Какие же тогда дополнительные когнитивные выгоды дает осознание, притом, что человек много меньше осознает по сравнению с объемом того, что он не осознает? В чем состоит когнитивный смысл осознания и в чем тогда заключен эволюционный замысел явления осознания?
- *Как происходит сличение воспринятой информации с той, что хранится в памяти?* Проблема сличения – традиционная проблема когнитивистов – является одной из наиболее важных и, вместе с тем, сложных в плане объяснения процесса осознания. Осознание без участия прошлого опыта невозможно. Этот очевидный факт, по сей день, теоретически невозможен. Данный вопрос может быть сформулирован и в других терминах, например, как происходит узнавание (опознание)? Все известные стратегии анализа сличения не дают пока удовлетворительных результатов.
- *Как происходит взаимодействие осознаваемого и неосознаваемого?* Если относительно влияния не осознанной информации на характер осознания имеется достаточно много экспериментальных данных, то касательно обратного влияния мы имеем гораздо меньше сведений. Не вполне понятен и механизм такого взаимодействия.

Сознание как теоретическое понятие и источник сомнений

Понятием «сознание» я предлагаю обозначать мыслимую, гипотетическую систему механизмов, работа которых не осознается, но производит конечные психические продукты – осознаваемые переживания. *Понятие «сознание» является исключительно теоретическим понятием и его использование оправдано лишь в рамках объяснения феномена осознания.* Сознания как реального, эмпирического феномена не существует, если, за феноменом самоочевидности закреплять термин «осознание». В этом смысле, и ни в каком другом, вопрос У. Джемса поставлен правильно. (Снова подчеркну: термины – условность, поэтому вместо «осознания» можно договориться использовать символ X, но тогда сознание обозначать иначе, например, Y или Z).

Целью построения теории сознания является объяснение феноменологии осознания. Ни в каком опыте человек не способен осознать то, как он осознает. Поэтому апелляция к субъективному опыту здесь не помогает. Этот процесс не только «чувственно недоступен», т.е. скрыт от внешнего наблюдения, но и экранирован для самого субъекта психической активности. Иначе говоря, «поток сознания» не осознается. (Хотелось бы избежать оксюморонов, типа «неосознаваемое сознание»). Никакие механизмы сознания не могут быть содержанием «непосредственного опыта». Но только теоретическое описание работы этих механизмов даст возможность понять природу осознания, т.е. объяснить, как человек осознает окружающую действительность и самого себя. Д. Слобин подчеркивал: «Перед любым ученым, изучающим человека и дерзающим выйти за рамки простого описания поведения, стоит проблема постулирования глубинных структур и процессов, которые могут объяснить несомненно существующие закономерности наблюдаемого поведения» [25, с. 21]. Важно акцентировать внимание на том, что «постулирование глубинных структур и процессов» не есть еще признание их онтологического статуса.

Теория сознания, претендующая на объяснение феноменологии осознания, может быть только естественнонаучного толка. Во-первых, феномен осознания – это природный феномен. Мы не придумывает по собственной воле свою психическую организацию и

принципы психического функционирования: это изобретение Природы. Правда, это не отрицает того очевидного факта, что все, что мы знаем и то, что осознаем, обусловлено социокультурными факторами. Содержание опыта осознания зависит от культуры, в то время как само осознание – это природное явление. Во вторых, именно в естественнонаучной исследовательской практике вводятся предположения о ненаблюдаемом для объяснения наблюдаемого.

Рассмотрим сначала некоторые примеры, демонстрирующие неосознаваемый характер деятельности сознания, а затем вновь вернемся к рассмотрению теоретической онтологии сознания.

При запоминании человек не способен осознать, как именно он запоминает, а осознает тот информационный материал, который запоминается. Это касается и двух других мнемических механизмов сознания: узнавания и воспроизведения. Мы не способны ни при каких условиях осознать, как мы узнаем или воспроизводим информацию, а только осознаем (если осознаем) саму эту информацию. Действительно, как можно осознанно контролировать процесс извлечения информации из мнемического хранилища! Кроме того, никогда не осознаются процедуры сличения со следами памяти, хотя такие процедуры совершенно необходимо допустить для объяснения любого эффекта осознания.

Внимание как механизм сознания тоже никогда не осознается, т.к. осознается всегда то, на что направлено внимание, а не его работа. И именно эта работа обеспечивает осознание. (Вероятно, внимание регулирует интенсивность осознания). Представим себе человека без механизма внимания. Такой человек был бы лишен всяких осознанных переживаний.

В целой серии экспериментальных работ было показано, что *эффекты осознания, равно как и неосознавания можно рассматривать как следствие неосознанно принятого сознанием решения об осознании или неосознавании информации*. В.М. Аллахвердов выдвинул предположение о том, что существует специальный когнитивный механизм принятия решения об осознании [8]. Без допущения о таком механизме было бы невозможно объяснить, например, случаи устойчивого повторения элементарных ошибок или определенные случаи невоспроизведения. Сам этот механизм подобно фрейдовской «цензуре» не может быть осознан, и ни в каком опыте мы его не обнаружим, но, повторюсь, без представления о таком механизме нельзя было бы объяснить определенные эмпирические факты.

С. Пинкер приводит множество аргументов в пользу наличия у человека неосознаваемых алгоритмов, ответственных за «ментальную грамматику» [23]. Рассмотрев данные, накопленные психологией, лингвистикой, антропологией, биологией и другими науками, занимающимися проблемами сознания и языка, автор приходит к выводу, что большая часть нашей ментальной жизни происходит неосознанно, и «...мы настолько же не осознаем процесс функционирования языка, насколько муха – причину откладывания ею яиц» [23, с. 13]. Об этом пишет, в частности, и Э.А. Костандов: «В памяти человека хранятся тысячи слов. При разговоре автоматически, неосознанно из кладовой памяти извлекаются нужные, подходящие слова для выражения определенной мысли» [17, с. 16].

Р. Лачмен, Г. Лачмен и Е. Баттерфилд, в свою очередь, отмечают неосознанность процесса мышления: «...Это исключение, а не правило, когда мыслительный процесс происходит осознанно, но при всей его естественности, сознательное мышление кажется единственно возможным. Оно не единственно возможно, оно в меньшинстве [31, р. 207]. Аналогичную точку зрения высказывают П. Левински и Т. Хилл, говоря о том, что «...когда исследователи предпринимают попытку узнать напрямую от субъектов, как образуются суждения или решения, люди обычно беспомощны, как если бы их попросили объяснить, как они узнают знак «большее» или распознают образы» [36].

Д. Дернер приводит примеры неосознаваемого принятия решения об осознании, что, по убеждению автора, свидетельствует о наличии у человека имплицитного знания, то есть знания, о котором субъект осознанно не предполагает [15]. В большинстве случаев люди не имеют никаких предположений относительно того, как у них формируются алгоритмы обработки информации, эстетические взгляды или мотивационные намерения. Даже

элементарный акт распознавания формы или размера объекта требует набора сложных преобразований, которые не могут быть осознаны.

В настоящее время все чаще в психологических работах можно встретить термины «бессознательное познание», «имплицитное научение», «когнитивное бессознательное», «неосознаваемое» [См. 30]. Способность к неосознаваемому приобретению процедур и структур знания, равно как и неосознаваемую способность к осознанию рассматривают как важнейшие свойства когнитивной системы. Так, А. Ребер, Р. Аллен и С. Реган отмечают: «... некоторые действия разума управляются тем, что лежит за пределами сознания. По существу каждое задание на приобретение сложного знания выполняется в значительной степени при отсутствии сознательного контроля. Мы включаем сюда такие моменты, как социализация, рост уровня культуры, формирование компетентных суждений, приобретение статуса эксперта в академической области, изучение сложной игры подобно шахматам, приобретение родного языка. Знание в этих случаях всегда скрытое. ... Другие действия разума, которые использует сознание в качестве операторов, имеют глубокие бессознательные системы управления. Если вы попросите испытуемого дать достоверный отчет о феноменологии вращения фигуры и объяснить основные когнитивно-перцептивные процессы, при помощи и по правилам которых выполняется такое вращение, всякое ощущение осознанности пропадает» [39]. Убедительные примеры того, что основные виды сложной когнитивной деятельности осуществляются за пределами осознания, приведены в работах П. Левицки и его коллег [32; 33; 34; 35; 37].

В проведенных нами исследованиях были обнаружены довольно интересные данные, демонстрирующие не просто неосознаваемый характер работы сознания, но и достаточно сложную природу взаимодействия осознаваемого и неосознаваемого [3]. Установлено, что, решая актуальную когнитивную задачу, сознание, по всей видимости, умеет оценивать параллельно происходящие события, в том числе и неосознаваемые, на предмет их семантической валидности в отношении решаемой задачи. Если неосознаваемое событие оценивается как потенциально «полезное» для поиска необходимого решения, то «чувствительность» к нему возрастает, оно как бы «включается» в процесс поиска решения, существенно сокращая время поиска. И, наоборот, если событие оценивается как невалидное, степень его воздействия на поиск решения существенно снижается. К тому же, сила воздействия неосознаваемого события зависит не столько от самого этого события, сколько от характера предшествующей серии аналогичных событий. Степень влияния каждого последующего неосознанного события к моменту его появления уже априорно задана на основании неосознаваемого анализа предшествующей серии. Более того, было доказано, что неосознаваемое событие в первую очередь оценивается на само наличие смысла. Если неосознаваемое событие категоризируется как осмысленное (несущее в себе какую либо информацию: релевантную или иррелевантную), оно «включается» в процесс текущей сознательной деятельности и далее оценивается на степень соответствия актуально решаемой задаче. В случае оценки события как бессмысленного, оно «исключается» из текущей деятельности (воспринимается, но особым образом маркируется). Эта оценка так же осуществляется на основе анализа серии однородных событий и носит антиципирующий характер. Если серия неосознаваемых событий была оценена как бессмысленная, то при появлении среди событий этой серии осмысленных, они некоторое время продолжают оставаться «исключенными». Все это позволяет допустить, что степень доверия к неосознаваемой информации меняется в зависимости от опыта осознания. Следовательно, на неосознаваемую деятельность в значительной степени влияет то, что и как осознано. Иначе говоря, осознанное может влиять на неосознаваемое, хотя о таком влиянии можно иметь представление только исходя из анализа осознаваемого.

П. Левиски и Т. Хилл обратили внимание на парадоксальную ситуацию, сложившуюся в современной психологии, посвятив анализу этой ситуации отдельную работу [35]. Авторы отмечают, что хотя большинство исследователей и признают доказательность экспериментальных данных, иллюстрирующих процесс приобретения знаний вне осознания, по сей день таким данным не придается должного значения. Эти экспериментальные

свидетельства обсуждаются так, как будто бы они представляют интерес лишь как одно своеобразное свойство из множества, присущих человеку, наряду с подсознательным восприятием и гипнозом. Исследователи полагают, что такой взгляд на неосознаваемые процессы искажает действительную картину. «Такое положение дел кажется действительно парадоксальным, – указывают П. Левицки и Т. Хилл, – потому что в то же время, *способность человеческого сознания к бессознательному получению информации является основным метатеоретическим допущением всей когнитивной психологии.* (Выделено мной – А.А.) ...Это допущение настолько необходимо, что оно присутствует практически во всех исследованиях человеческого мышления, опубликованных за два последних десятилетия и косвенно упоминается в большинстве экспериментальных теорий, разработанных в когнитивной психологии» [35, р.34].

Вернемся снова к рассмотрению онтологического положения сознания, которое, как я постарался выше показать, осознает не себя, а результаты своей деятельности. Вопрос, который теперь необходимо рассмотреть, может быть задан следующим образом: «В каком качестве существует сознание?» Если само функционирование сознания является неосознаваемой психической активностью, судить о которой возможно только, анализируя эмпирические индикаторы (вербальные реакции, моторные реакции, продукты деятельности и психофизиологические реакции, когда последние рассматриваются исключительно в качестве маркеров психических изменений, предшествующих этим реакциям), если механизмы сознания не являются эмпирическими объектами и не составляют содержание субъективного опыта, то, как существует сознание? Иначе говоря, существует ли в самой реальности, а не в теории то, что не наблюдается и не осознается? Возможны два варианта ответа на этот вопрос.

1. «Сознание» это только теоретическое понятие, которым обозначается не просто абстрактный, но и идеальный объект. Сознание в этом случае существует только в теории. В качестве идеализации сознание способно на выполнение когнитивной деятельности любой сложности. То, что невозможно в осознании, возможно в сознании. Например, сознание способно сверхбыстро решать когнитивные задачи, перерабатывать в текущий момент всю поступающую из вне информацию, приписывать одновременно несколько смыслов стимульной информации, автоматически запоминать всю воспринятую информацию. На сознание не наложены никакие ограничения, которые обнаруживаются при осознании. Таким образом, теория сознания должна описывать не эмпирический опыт, т.е. не опыт осознания, а функционирование сознания как идеального объекта с тем, чтобы феномены этого опыта объяснить. Данная позиция соответствует мнению методологов, которые указывают, что «научная теория – это логически организованное множество высказываний о некотором классе идеальных объектов, их свойствах и отношениях» [16, с. 178]. Р. Неванлинна подчеркивал, что идеальные объекты конструируются из эмпирических объектов путем добавления к последним таких новых свойств, которые делают идеальные объекты ненаблюдаемыми и имманентными элементами сферы мышления [20, с. 77]. Об идеальных объектах см. также [9, с. 147-163].

Описание логики функционирования идеального объекта происходит таким образом, *как если бы* он существовал в эмпирической реальности. Хотя надо помнить, что такого рода описание представляет собой логическую модель, соотносимую с реальностью в той мере, в какой она репрезентирует в ней существенное, игнорируя ситуативное. Возможная модель функционирования сознания (модель микрогенеза осознания), включающая в себя описание четырех основных этапов (обнаружение, сличение, принятие решения об осознании, исполнение решения (этап рефлексивного контроля)), предложена в работе [2].

Однако сознание – это идеальный объект особого рода. Это не просто абсолютно черная кошка в абсолютно темной комнате. *Сознание как идеализация не имеет своего эмпирического прототипа*, в том смысле в каком точка или прямая линия в качестве идеальных объектов соотносимы с эмпирически наблюдаемыми точками и линиями. Несжимаемая жидкость, математический маятник, идеальный газ или абсолютно черное тело – это образцы мыслимых и предельно возможных значений эмпирически фиксируемых свойств. Сознание эмпирического субъекта не есть эмпирическое явление. Таким явлением выступает осознанность. Сознание

проявляется в осознании как время в длительности. Но, пожалуй, наиболее, удачной, хотя и не совсем точной аналогией, поясняющей отношение сознания к осознанию, является отношение языка к речи. Язык выражается в речи, но существует ли язык сам по себе вне речевых форм? Как он существует, если существует независимо от речи? Если сознание понимать как набор правил, по которым происходит осознание, то в каком качестве эти правила существуют?

Стоит добавить, что помимо сознания, еще одним идеальным объектом, представлением о котором принципиально важно для построения теории сознания, является бессознательное, если его понимать как память в аспекте сохранения информации. Следствием трактовки бессознательного как идеального объекта является невозможность забывания: вся воспринятая информация запоминается с отметкой о времени фиксации информации и не имеет срока хранения. Исходя из этого, в частности, меняется ракурс рассмотрения исследовательских задач. Вместо ответа на вопрос: «Почему человек забывает?», нужно понять, почему он не может осознать (вспомнить или узнать) то, что помнит, поскольку факт сохранности информации постулируется с идеализацией и не ставится под сомнение. Описание структуры бессознательного через три мнемические зоны, содержащие информацию разной степени доступности для осознания, и эмпирические примеры, соотносимые с идеализацией бессознательного приведены в ранее опубликованных работах [1; 2].

Итак, сознание в онтологии теории должно составлять оппозицию не бессознательному, т.к. сознание и бессознательное образуют вместе сферу неосознаваемого, а области осознаваемого опыта.

2. Другой ответ на выше поставленный вопрос, возможно, придаст оптимизма тем, кто верит, что психология еще способна на новые идеи, которые в будущем изменят научную картину психического мира. Возможно, это могли бы быть идеи наподобие тех, которые рождались в физике о природе поля. Красноречиво об этом высказался А. Эйнштейн: «Для физика начала девятнадцатого столетия не существовало поля. Для него были реальными только субстанция и ее изменения. Он старался описать действие двух электрических зарядов только с помощью понятий, относящихся непосредственно к обоим зарядам. Сначала понятие поля было не более, как прием, облегчающий понимание явлений... Наш новый язык – это описание поля в пространстве между зарядами, а не самих зарядов; описание поля существенно для понимания действия зарядов. Признание новых понятий постепенно росло, пока субстанция не была оттеснена на задний план полем. Стало ясно, что в физике произошло нечто весьма важное. Была создана новая реальность... Постепенно и не без борьбы понятие поля завоевало прочное положение в физике и сохранилось в качестве одного из основных физических понятий. Для современного физика электромагнитное поле столь же реально, как и стул, на котором он сидит» [27, с. 145-146].

Хотелось бы надеяться, что спустя столетие, пусть так и не сумев определить, что такое сознание, мы сможем многое узнать о том, как оно работает, научившись понимать вещи, которые невозможно вообразить. Боюсь, что к этому мне больше нечего добавить.

Литература

1. Агафонов А.Ю. Закон тотальной сохранности мнемических следов: опыт эмпирического обобщения // Вестник Самарского государственного университета. 2002. № 3 (25).
2. Агафонов А.Ю. Когнитивная психомеханика сознания, или как сознание неосознанно принимает решение об осознании. Самара, 2007.
3. Агафонов А.Ю., Куделькина Н.С. На что способно «когнитивное бессознательное»? В печати.
4. Акопов Г.В. Проблема сознания в психологии. Отечественная платформа. Самара, 2002.
5. Аксенов Г.П. Причина времени. М., 2001.

6. *Аллахвердов В.М. Вечно зеленеющий предмет психологии на фоне сухой теории // Методология и история психологии. Том 1. Выпуск 1. 2006.*
7. *Аллахвердов В.М. Сознание // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М., 2005.*
8. *Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс. Экспериментальная психологика. СПб., 2000.*
9. *Аллахвердов В.М., Кармин А.С., Шилков Ю.М. Принцип идеализации // Методология и история психологии. 2007. Том 2. Выпуск 2.*
10. *Бэн А. Психология. М., 1902.*
11. *Вундт В. Введение в психологию. СПб., 2002.*
12. *Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л., 1984.*
13. *Гнеденко Б.Ф. Конструкция времени в естествознании: на пути к пониманию феномена времени. Ч.1. Междисциплинарное исследование. М., 1996.*
14. *Григорьев В., Мякишев Г. Силы в природе. М., 1973.*
15. *Дернер Д. Логика неудачи. М., 1997.*
16. *История и философия науки / Под общ. ред. С.А. Лебедева. М., 2007.*
17. *Костандов Э.А. Психофизиология сознания и бессознательного. М., 2004.*
18. *Лефевр В. Алгебра совести. М., 2000.*
19. *Лефевр В. Рефлексия. М., 2003.*
20. *Неванлинна Р. Пространство, время, относительность. М., 1969.*
21. *Петренко В.Ф. Основы психосемантики. М., 1997.*
22. *Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета). М., 1997.*
23. *Пинкер С. Язык как инстинкт. М., 2004.*
24. *Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992.*
25. *Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 2006.*
26. *Смит Р. Психология личности как альтернатива естественнонаучной психологии // Человек. 2000. №3.*
27. *Эйнштейн А. Эволюция физики. М., 2001.*
28. *Chalmers D.J. Moving forward on the problem of consciousness // JCS. 1997. № 4(1).*
29. *Chalmers D.J. The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory. Oxford and New York. Oxford: Oxford University Press, 1996.*
30. *Kihlstrom J. The cognitive unconscious. Science, 237. 1987.*
31. *Lachman R., Lachman J.L., Butterfield E.C. Cognitive psychology and information processing: An introduction. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. 1979.*
32. *Lewicki P. Nonconscious social information processing. N.Y., 1986a.*
33. *Lewicki P. Processing information about covariations that cannot be articulated // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 12. 1986b.*
34. *Lewicki P., Czyzewska M., Hoffman H. Unconscious acquisition of complex procedural knowledge. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition, 13. 1987.*
35. *Lewicki P., Hill T. On the Status of Nonconscious Processes in Human Cognition: Comment on Reber // Journal of Experimental Psychology: General, 1989. Vol.18.*
36. *Lewicki P., Hill T. Unconscious processes as explanations of behavior in cognitive, personality, and social psychology. Personality and Social Psychology Bulletin, 13, 1987.*
37. *Lewicki P., Hill T., Bizot E. Acquisition of procedural knowledge about a pattern of stimuli that cannot be articulated. Cognitive Psychology, 20. 1988.*
38. *Marcel A.J. Conscious and unconscious perception: an approach to relation between phenomenal experience and perceptual processes // Cognitive Psychology, 15. 1983.*
39. *Reber A. S., Allen R., Regan S. Syntactical Learning and Judgment, Still Unconscious and Still Abstract: Comment on Dulany, Carlson, and Dewey // Journal of Experimental Psychology, 1985. Vol.114.*